

КАРЛ ГУСТАВ

ЮНГ

О ПСИХОАНАЛИЗЕ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

ЭКСКЛЮЗИВНАЯ КЛАССИКА (АСТ)

Карл Юнг
О психоанализе

«Издательство АСТ»

1910, 1912, 1913, 1955

УДК 159.96
ББК 88.6

Юнг К. Г.

О психоанализе / К. Г. Юнг — «Издательство АСТ», 1910,1912, 1913, 1955 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-150232-4

Карл Густав Юнг (1875–1961) – швейцарский психолог, психотерапевт, философ, социолог и культуролог – один из выдающихся ученых XX столетия, ученик Зигмунда Фрейда, основоположник аналитической психологии и психотерапии, основатель и президент Швейцарского общества практической психологии. В настоящее издание вошли самые значимые работы Юнга о психоанализе. Отдавая дань своему учителю и первооткрывателю психоаналитической теории – доктору Фрейду, Юнг излагает собственный оригинальный взгляд на психоанализ и его роль в исследовании загадочной человеческой души. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 159.96

ББК 88.6

ISBN 978-5-17-150232-4

© Юнг К. Г., 1910,1912, 1913, 1955
© Издательство АСТ, 1910,1912, 1913,
1955

Содержание

О критике психоанализа	6
О психоанализе	9
Попытка изложения психоаналитической теории	11
Предисловие к первому изданию	12
Предисловие ко второму изданию	14
1. Обзор первоначальных гипотез	15
2. Теория инфантильной сексуальности	23
3. Понятие либидо	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Карл Густав Юнг О психоанализе

C. G. Jung
FREUD UND DIE PSYCHOANALYSE
(Collected Works, Volume 4)

- © Walter Verlag AG, Olten, 1971
- © Foundation of the Works of C. G. Jung, Zürich, 2007
- © Перевод. А. Чечина, 2021
- © Издание на русском языке AST Publishers, 2022

О критике психоанализа

Zur Kritik über Psychoanalyse // Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen II (Вена / Лейпциг, 1910), 743–746.

Психоаналитику хорошо известен тот факт, что понимание природы и рациональной основы психоанализа не требует особых интеллектуальных усилий и доступно даже малообразованному обывателю. То же самое справедливо и в отношении образованных людей, будь то ученые, предприниматели, журналисты, художники или учителя. Все они способны понять принципы психоанализа. Они также отлично понимают, почему психоанализ не может быть изложен столь же убедительно, как математическое утверждение. Всякий здравомыслящий человек знает, что психологическое доказательство неизбежно будет отличаться от физического и что каждая отрасль науки может предложить только те доказательства, которые соответствуют ее материалу. Было бы интересно узнать, эмпирических доказательств какого рода ждут наши критики, если не доказательств на основе эмпирических фактов. Существуют ли эти факты? Мы приводим наши наблюдения. Однако критики просто говорят: «Нет». Что же тогда мы можем предложить, если наши фактические наблюдения категорически отрицаются? При таких обстоятельствах разумно ожидать, что наши оппоненты изучат невроты и психозы так же тщательно, как это сделали мы (совершенно независимо от метода психоанализа), и приведут факты принципиально иного рода относительно их психологической детерминации. Мы ждали этого более десяти лет. Мало того, судьба распорядилась так, что все исследователи в этой области, которые трудились независимо от первооткрывателя новой теории, но столь же увлеченно, пришли к тем же результатам, что и Фрейд; и что те, кто нашел время и силы приобрести необходимые знания под руководством психоаналитика, поняли эти результаты.

В целом мы должны ожидать самого яростного сопротивления со стороны медиков и психологов, главным образом из-за научных предрассудков, основанных на ином образе мышления, которого они упорно придерживаются. Наши критики, в отличие от предыдущих, существенно продвинулись вперед, коль скоро стараются быть более серьезными и более сдержанными в своих высказываниях. Однако все они совершают ошибку, критикуя психоаналитический метод так, как если бы он опирался на априорные принципы, тогда как в действительности он носит сугубо эмпирический характер и абсолютно лишен какой-либо окончательной теоретической основы. Насколько нам известно, это просто самый быстрый способ обнаружить факты, которые имеют значение для нашей психологии, но которые, как показывает история психоанализа, также могут быть обнаружены другими, более трудоемкими и сложными способами. Разумеется, мы были бы счастливы, если бы располагали аналитической техникой, которая вела бы к цели еще быстрее, чем нынешний метод. Однако, упрямо оспаривая наши открытия, критики едва ли помогут нам найти более подходящий прием – прием, который лучше бы отвечал предположениям современной психологии. До тех пор, пока вопрос о фактах не будет решен, всякую критику психоаналитического метода следует считать безосновательной, ибо о главных тайнах ассоциативного процесса наши оппоненты знают так же мало, как и мы. Каждому мыслящему человеку должно быть очевидно, что эмпирические факты – единственное, что имеет значение. Если критика ограничивается только методом, то в один прекрасный день она легко может прийти к отрицанию существования фактов на том лишь основании, что методу их обнаружения присущи определенные теоретические недостатки. Придерживаясь подобной точки зрения, мы возвращаемся во мрак Средневековья. В этом отношении наши критики совершают серьезную ошибку. Долг умных людей – указать на нее, ибо человеку свойственно ошибаться.

Впрочем, иногда критика принимает формы, которые возбуждают живейший интерес психолога. В этом случае научные потуги критика самым удивительным образом оттесняются на задний план симптомами личного участия. Такие оппоненты вносят ценный вклад в познание скрытых личных тенденций, лежащих в основе так называемой научной критики. Мы не можем отказать себе в удовольствии сделать один такой *document humain*¹ доступным широкой общественности.

Реферат Курта Менделя²
«Критический обзор фрейдистской точки зрения»

Настоящий рецензент, который прочел много работ Фрейда и его последователей и *сам испробовал психоанализ*³, должен признать, что находит многие положения этой доктрины в высшей степени омерзительными, особенно последние дополнения, касающиеся анальной эротики и детской сексуальности. Ознакомившись с рецензируемой работой⁴, он подошел к своему младшему сыну, мирно лежавшему в кровати, и сказал следующее: «Бедный мальчик! Я думал, ты чист и невинен, но оказывается, что ты порочен и исполнен греха! С первого дня своего существования ты ведешь сексуальную жизнь (указ. соч., с. 184); ты эксгибиционист, фетишист, садист, мазохист, онанист – одним словом, ты полиморфно извращен (с. 185). Среди взрослых едва ли сыщется Дон Жуан, чьи эротические фантазии ни в чем бы не уступали продуктам твоего младенческого мозга (стр. 185). Да и как может быть иначе? Ты развращен от рождения. Твой отец пользуется репутацией необычайно аккуратного и бережливого человека, а фрейдисты говорят, что он упрям, ибо не желает полностью принять их учение. Необычайно аккуратный, бережливый и упрямый! Жертва анальной эротике, стало быть! (Ср.: Фрейд, “Charakter und Analerotik”, *Psych. – Neur. Wochenschr.*, IX: 51.) Что же касается твоей матери, то она тщательно убирает дом каждые четыре недели. “Уборка, и в особенности весенняя уборка, есть специфическая женская реакция на подавленную анальную эротику” (Sadger, *Analerotik und Anal-charakter*, *Die Heilkunde*, 02/1910). Выходит, ты – анально-эротическая натура со стороны и отца, и матери! А совсем недавно, перед тем как лечь спать, ты не опорожнил кишечник, когда тебя сажали на горшок: ты получаешь особое удовольствие от акта дефекации и специально задерживаешь стул. Раньше в таких случаях твой отец просто говорил твоей матери: “У мальчика запор, дай ему таблетку!” Тьфу! Каким же бесстыдным извращенцем и растлителем я был! Ты больше не получишь от меня поцелуя на ночь, ибо такая ласка только возбудит твою сексуальность. И чтобы я больше не слышал из твоих уст вечерней молитвы: “Я мал, сердце мое чисто”⁵. Это ложь! Ты развращен и помешан на анальной эротике. Ты эксгибиционист, фетишист, садист, мазохист, онанист, полиморфный извращенец. Таков я, такова твоя мать, таков ты сам. О, несчастное дитя!»

Фрейдисты! Я неоднократно утверждал, что ваше учение позволило открыть много нового и ценного. Но, ради бога, оставьте свои безграничные преувеличения и абсурдные фантазии! Вместо каламбуров дайте нам доказательства! Вместо книг, которые читаются как комиксы, дайте нам серьезные труды! Докажите мне истинность вашего убогого и клеветнического утверждения (стр. 187): «Есть только одна форма любви, и это любовь эротическая!» Не топите наши самые священные чувства, нашу любовь и уважение к нашим родителям и нашу нежную любовь к детям в трясине ваших фантазий, прекратите приписывать нам и им грязные сексуальные мотивы! Вся ваша аргументация сводится к аксиоме: «Это сказал Фрейд,

¹ Человеческий документ (*фр.*).

² *Neurologisches Centralblatt* (Лейпциг), XXIX/6 (Лейпциг, 1910).

³ Курсив мой.

⁴ J. A. Haslebacher, «Psychoneurosen und Psychoanalyse».

⁵ «Ich bin klein, mein Herz ist rein».

следовательно, так оно и есть». Я отвечу вам словами Гете – сына еще одной жертвы анальной эротики (Sadger, там же):

Кто философствует, тот выбрал путь плохой,
Как скот голодный, что в степи сухой
Кружит себе, злым духом обойденный,
А вокруг цветёт роскошный луг зелёный!⁶

⁶ Гете И. Фауст.

О психоанализе

Zur Psychoanalyse // Wissen und Leben (Цюрих; прежнее название Neue Schweizer Rundschau), V (1912), 711–714. Во вступительной редакционной заметке говорилось: «Серия статей, посвященных фрейдистским теориям и опубликованных в *Neuen Zürcher Zeitung*, свидетельствует о явном непонимании и предвзятом отношении к современной психологии со стороны широкой общественности. Поскольку все эти пылкие пререкания, по всей вероятности, не столько внесли ясность, сколько запутали читателя еще больше, мы попросили д-ра Карла Юнга сказать несколько заключительных слов, призванных снизить накал страстей».

Кюснахт, 28 января 1912 г.

Уважаемый господин редактор!

Благодарю за любезное предложение опубликовать на страницах вашей газеты эпилог к серии статей, недавно появившихся в «Нойе Цюрхер цайтунг». Такой эпилог мог быть написан исключительно в защиту либо научной истины, которую, как нам кажется, мы можем обнаружить в психоанализе и которая подверглась столь яростным нападкам, либо наших собственных научных качеств. Последнее выходит за рамки хорошего тона и недостойно того, кто посвятил себя служению науке. Что же касается первой цели, то она может быть осуществлена только в том случае, если дискуссия принимает объективную форму и если приводимые аргументы вытекают из тщательного анализа проблемы как с практической, так и теоретической точек зрения. В таком ключе я охотно поспорю с оппонентами, хотя предпочитаю делать это наедине; впрочем, я делал это и публично, в научном журнале.⁷

Также я не стану отвечать на научную критику, суть которой сводится к следующему: «Метод морально опасен, следовательно, теория ошибочна», или: «Фактов, о которых говорят фрейдисты, в действительности не существует; они есть порождения больной фантазии этих так называемых исследователей, а значит, метод, используемый для их выявления, логически ошибочен». Никто не может утверждать априори, что тех или иных фактов не существует. Это схоластический аргумент, и обсуждать его излишне.

Мне противно вести пропаганду истины и защищать ее лозунгами. За исключением собраний Психоаналитического общества и Швейцарского психиатрического общества, я никогда не выступал с публичными лекциями, не будучи предварительно попрошен об этом; аналогичным образом, моя статья, опубликованная в ежегоднике «Рашерс ярбух»⁸, написана исключительно по просьбе редактора Конрада Фальке. Я не навязываю себя публике. Посему я бы предпочел сейчас не выходить на арену, дабы от лица научной истины принять участие в варварской полемике. Предрассудки и почти безграничное непонимание, свойственные современному человеку, безусловно, могут препятствовать прогрессу и распространению научного знания в течение длительного времени. Вероятно, таково неизбежное следствие массовой психологии, которой мы вынуждены подчиняться. Если истина не говорит сама за себя, то это плохая истина, и лучше дать ей погибнуть. Если же это внутренняя необходимость, то она пробьется сама – без боевых кличей и воинственных маршей – в сердца всех здравомыслящих людей и таким образом станет неотъемлемым элементом нашей цивилизации.

В сексуальных бестактностях, которые, к сожалению, неизбежно занимают существенное место во многих психоаналитических работах, повинен отнюдь не психоанализ. Наша в высшей степени требовательная и ответственная медицинская работа позволяет выявить эти неприятные – порой даже омерзительные – фантазии, однако самим своим существованием

⁷ См. предыдущую статью.

⁸ [*Neue Bahnen der Psychologie* («Новые пути в психологии»)].

они обязаны, несомненно, лживости нашей сексуальной морали. Ни одному разумному человеку не нужно повторять, что психоаналитический метод воспитания состоит не только в психологических дискуссиях о сексе, но охватывает *все сферы жизни*. При этом наша цель, как я уже подчеркивал в ежегоднике «Рашерс ярбух», не в том, чтобы человек беспомощно отдался своим страстям, а в том, чтобы он обрел необходимый самоконтроль. Несмотря на все заверения в обратном с моей стороны и со стороны Фрейда, наши оппоненты хотят, чтобы мы поощряли «распушенность», и заявляют, что так оно и есть, независимо от того, что говорим мы сами. То же относится и к теории невроза – сексуальной теории, или теории либидо, как иногда ее называют. На протяжении многих лет в своих лекциях и в своих работах я неоднократно указывал, что понятие «либидо» следует понимать в очень общем смысле, скорее как инстинкт сохранения вида, и что на языке психоанализа оно определенно означает не «локализованное сексуальное возбуждение», но все стремления и желания, выходящие за рамки самосохранения, и что именно в этом смысле оно обычно и используется. Недавно я изложил свою позицию по этим общим вопросам в обширном труде,⁹ однако наши оппоненты сочли, что наши взгляды так же «грубо сексуальны», как и их собственные. Любые попытки разъяснить нашу психологическую точку зрения оказываются безрезультатны, ибо наши противники всеми силами стремятся превратить эту теорию в невыразимую банальность. Я чувствую себя бессильным перед лицом столь непомерного требования. Могу лишь выразить свое искреннее огорчение по поводу того, что из-за вопиющего непонимания, путающего день с ночью, многие люди не могут воспользоваться удивительными открытиями психоанализа на благо собственного этического развития. Равным образом я сожалею и о том, что, бездумно игнорируя психоанализ, многие лишают себя возможности увидеть подлинную глубину и красоту человеческой души.

Ни один здравомыслящий человек не станет обвинять научные исследования и их результаты в том, что некоторые неумелые и безответственные люди используют их в дурных целях. Какой разумный человек посмеет утверждать, что в ошибках и несовершенствах применения некоего метода, созданного на благо человечества, виноват сам метод? Что бы стало с хирургией, если бы во всех летальных исходах обвиняли ее саму? Скальпель действительно опасен, особенно в руках глупца. Никто не доверится неопытному хирургу и не станет просить цирюльника удалить аппендикс. То же самое справедливо и в отношении психоанализа. Нельзя отрицать, что существуют не только неквалифицированные психиатры, но и непрофессионалы, использующие психоанализ самым безответственным образом. Не вызывает сомнений и то, что сегодня, как, впрочем, и всегда, встречаются плохие врачи и бессовестные шарлатаны. Однако данное обстоятельство не дает нам права стричь всех под одну гребенку осуждения – всякую науку, всякий метод, всякого исследователя и всякого врача.

Я искренне сожалею, что вынужден утомлять вас и читателей вашей газеты этими самоочевидными истинами, а потому спешу поставить точку. Вы должны простить меня, если моя манера изложения местами покажется вам чересчур эмоциональной; едва ли кому-нибудь по силам настолько возвыситься над общественным мнением, чтобы безболезненно реагировать на легкомысленное дискредитирование его скромных научных достижений.

С уважением и т. д., д-р Юнг

⁹ [Предположительно речь идет о работе «Метаморфозы и символы либидо», часть I которой была опубликована в *Jahrbuch* в 1911 г. Часть II, вторая глава которой посвящена понятию и генетической теории либидо, появилась в начале 1912 г.]

Попытка изложения психоаналитической теории

[Первоначально написано на немецком языке под названием «Versuch einer Darstellung der psychoanalytischen Theorie» и переведено на английский язык для изложения в качестве серии лекций под общим названием «Theory of Psychoanalysis» на медицинском факультете Фордхемского университета (Нью-Йорк) в сентябре 1912 года. Немецкий текст был опубликован в ежегоднике *Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen* (Вена и Лейпциг), V (1913) и в том же году издан в виде отдельной книги. Анализ ребенка, приведенный в последней главе, был представлен в виде доклада под названием «Über Psychoanalyse beim Kinde» на Первом международном педагогическом конгрессе в Брюсселе в августе 1911 года, а в 1912 году был напечатан в сборнике материалов Конгресса (Брюссель, 1912), II, 332–43.

Второе издание немецкого текста, без существенных изменений, увидело свет в 1955 году (Цюрих). Настоящий перевод сделан по этому изданию.]

Предисловие к первому изданию

В этих лекциях я попытался согласовать свой практический опыт в психоанализе с существующей теорией или, скорее, с подходами к такой теории. В сущности, это попытка изложить мое отношение к руководящим принципам, которые мой уважаемый учитель Зигмунд Фрейд выработал в течение нескольких десятилетий напряженного труда. Поскольку мое имя прочно ассоциируется с психоанализом и поскольку в течение некоторого времени я также был жертвой всеобщего осуждения этого направления в психологии, возможно, меня с удивлением спросят, как так получилось, что я только сейчас даю объяснение своей теоретической позиции. Когда около десяти лет назад я осознал, как далеко Фрейд вышел за пределы современных знаний о психопатологических явлениях, особенно психологии сложных психических процессов, я считал себя не в том положении, чтобы высказывать какую-либо конструктивную критику. Я не обладал мужеством тех ученых мужей, которые в силу своего невежества и некомпетентности полагают себя вправе выступать с «критическими» опровержениями. На мой взгляд, прежде чем осмелиться критиковать, необходимо несколько лет скромно поработать в соответствующей области. Преждевременная и поверхностная критика, безусловно, принесла свои плачевные плоды. И все же подавляющее большинство критиков, ослепленных негодованием и собственным невежеством, не попали в цель. Психоанализ продолжал беспрепятственно развиваться и не обращал внимания на ненаучную шумиху, поднявшуюся вокруг него. Как всем известно, в последнее время это дерево сильно разрослось, причем не только в Европе, но и в Америке. Официальные критики добились не больших успехов, чем Проктофантасмист в «Фаусте», который жалуется в Вальпургиеву ночь:

Вы здесь еще? Нет, вынести нет сил!
Исчезните! Ведь я же разъяснил.¹⁰

Критики упустили из виду, что все сущее имеет обоснованное право на существование и что это справедливо и в отношении психоанализа. Мы не повторим ошибки наших оппонентов и не станем ни игнорировать их существование, ни отрицать их право на существование. Однако это обязывает нас самих прибегнуть к справедливой критике, основанной на надлежащем знании фактов. Мне кажется, что психоанализ нуждается в такой оценке изнутри.

Было высказано ошибочное предположение, будто моя позиция свидетельствует о «расколе» в психоаналитическом движении. Подобные схизмы могут существовать только в вопросах веры. Психоанализ же интересуется знанием и его постоянно меняющиеся формулировки. В качестве руководящего принципа я принял прагматическое правило Уильяма Джеймса: «Из каждого слова вы должны извлечь его практическую наличную стоимость, должны заставить его работать в потоке вашего опыта. Оно рассматривается не столько как решение, сколько как программа для дальнейшей работы, в частности как указание на те методы, с помощью которых может быть изменена данная нам действительность. *Таким образом, теории представляют собой не ответы на загадки, – ответы, на которых мы можем успокоиться, – теории становятся орудиями.* Мы не успокаиваемся в сладкой бездеятельности на теориях, мы идем вперед и сверх того при случае изменяем с их помощью природу».¹¹

Точно так же моя критика проистекает не из академических рассуждений, а из опыта, который я приобрел за десять лет серьезной работы в этой области. Я сознаю, что мой собственный опыт никоим образом не может сравниться с совершенно исключительным опытом

¹⁰ Гете И. Фауст.

¹¹ Цитируется русский перевод работы У. Джеймса «Прагматизм», выполненный П. Юшкевичем.

и проницательностью Фрейда, но тем не менее мне кажется, что некоторые из моих формулировок выражают наблюдаемые факты более удачно, нежели варианты, предложенные Фрейдом. Как бы то ни было, в своей преподавательской деятельности я обнаружил, что концепции, изложенные в этих лекциях, оказались весьма полезными в моих попытках дать ученикам более или менее адекватное представление о психоанализе. Я далек от того, чтобы рассматривать скромную и умеренную критику как «отпадение» или схизму; напротив, я надеюсь таким образом способствовать дальнейшему процветанию психоаналитического движения и открыть доступ к сокровищам психоаналитического знания всем тем, кто, в силу отсутствия практического опыта или определенных теоретических предубеждений, до сих пор не мог овладеть этим методом.

За возможность прочесть эти лекции я должен поблагодарить моего друга д-ра Смита Илая Джеллифа из Нью-Йорка, который любезно пригласил меня принять участие в расширенном курсе Фордхемского университета в Нью-Йорке. Девять лекций были прочитаны в сентябре 1912 года. Я также не могу не выразить свою искреннюю благодарность д-ру Грегори из больницы Бельвью за его помощь в проведении клинических демонстраций.

Летом 1912 года, уже после завершения работы над этими лекциями, мне в руки попала книга Альфреда Адлера «Über den nervösen Charakter» («О нервическом характере»). Я признаю, что мы с ним пришли к схожим выводам по некоторым вопросам, однако здесь не место обсуждать это более подробно.

К. Г. Юнг

Цюрих, осень 1912 г.

Предисловие ко второму изданию

С момента появления первого издания в 1913 году прошло так много времени и произошло так много событий, что совершенно невозможно переработать такого рода книгу, порожденную давно минувшей эпохой и определенным этапом в развитии психоаналитического знания, дабы привести ее в соответствие с последними открытиями. Настоящий труд представляет собой веху на пути научных изысканий и таковым останется и впредь. Пусть он послужит напоминанием о постоянно меняющихся направлениях поиска на новой территории, границы которой даже сегодня нельзя обозначить с какой-либо определенностью, и тем самым внесет свой вклад в историю развивающейся науки. Посему я предоставляю этой книге снова поступить в печать в ее первоначальном виде и без существенных изменений.

К. Г. Юнг
Октябрь 1954 г.

1. Обзор первоначальных гипотез

Уважаемые дамы и господа!

В настоящее время читать лекции по психоанализу – задача не из легких. Дело не в том, что вся эта область исследований поднимает – и в этом я абсолютно убежден – некоторые из самых сложных проблем, стоящих перед современной наукой. Даже если оставить этот факт в стороне, остаются другие серьезные трудности, значительно осложняющие изложение материала. Я не могу предложить устоявшуюся, четко сформулированную доктрину, разработанную как с практической, так и с теоретической стороны. К несчастью, психоанализ еще не достиг данной стадии развития, несмотря на все усилия, предпринятые в этом направлении. Также я не могу дать описание его формирования *ab ovo*:¹² в вашей прогрессивной стране есть свои превосходные интерпретаторы и учителя, распространившие общие сведения о психоанализе среди научно мыслящей публики. Помимо этого, сам Фрейд, истинный первооткрыватель и основатель психоаналитического движения, не так давно читал лекции в США и лично изложил свои взгляды. Что касается меня, то я тоже уже имел честь выступать перед американской аудиторией с лекциями об экспериментальных основах теории комплексов и применении психоанализа в просветительских и воспитательных целях.¹³

В подобных обстоятельствах неудивительно, что я боюсь повторить уже сказанное или опубликованное в научных журналах. Другая трудность, которую следует принять во внимание, состоит в том, что во многих кругах доминируют вопиющие заблуждения относительно природы психоанализа. Порой невозможно представить себе, в чем именно могут заключаться эти неверные представления. Но иногда они столь нелепы, что остается только изумляться, как человек с научным образованием мог прийти к выводам, столь далеким от реальности. Очевидно, не стоит приводить примеры этих курьезов. Лучше посвятить время и энергию обсуждению тех проблем психоанализа, которые по самой своей природе порождают непонимание.

Хотя на это неоднократно указывали ранее, многие люди до сих пор не знают, что за прошедшие годы в теории психоанализа произошли значительные изменения. Те, например, кто читал только первый труд Брейера и Фрейда «Исследования истерии»,¹⁴ по-прежнему убеждены, что, согласно психоанализу, истерия и неврозы вообще обязаны своим происхождением так называемым травмам раннего детства. Они продолжают бессмысленно нападать на эту теорию, не осознавая, что прошло уже пятнадцать лет с тех пор, как от нее отказались и заменили другой. Данный сдвиг имеет такое большое значение для всего развития техники и теории психоанализа, что его следует рассмотреть более подробно. Дабы не утомлять вас случаями из практики, ныне общеизвестными, я ограничусь ссылками на клинический материал, приведенный в книге Брейера и Фрейда, которая, как я смею предположить, знакома вам в ее английском переводе. Вы, вероятно, читали про случай Брейера, на который Фрейд ссылался в своих лекциях в Университете Кларка,¹⁵ и обнаружили, что истерический симптом возник не из какого-то неизвестного анатомического источника, как предполагалось ранее, а из определенных психических переживаний эмоциональной природы, называемых травмами или психическими ранами. Сегодня каждый внимательный наблюдатель истерии, я уверен, может подтвердить на собственной практике, что болезнь в самом деле часто уходит своими корнями именно в эти болезненные и мучительные события. Эта истина была известна еще древним врачам.

¹² От момента зарождения (*лат.*).

¹³ [Кларковские лекции. См. прим. к абз. 154.]

¹⁴ [Впервые опубликовано в 1895 г.]

¹⁵ «О психоанализе. Пять лекций».

Однако, насколько я знаю, именно Шарко – вероятно, под влиянием теории Пейджа о «нервном шоке»,¹⁶ – дал этому наблюдению теоретическое обоснование. Опыт работы с новой техникой гипноза подсказывал ему, что истерические симптомы могут быть вызваны и устранены с помощью внушения. Шарко полагал, что нечто подобное можно наблюдать и в участвовавших приступах истерии, вызванной несчастными случаями. Травматический шок был в некотором смысле сравним с гипнозом, поскольку порожденная им эмоция вызывала переходящий паралич воли, во время которого травма могла закрепиться как самовнушение.

Данная концепция заложила основы теории психогенеза. Дальнейшие этиологические исследования должны были прояснить, задействован ли тот же или подобный механизм в случаях истерии нетравматического происхождения. Этот пробел в знаниях удалось заполнить благодаря открытиям Брейера и Фрейда. Они показали, что даже в случаях обычной истерии, которые нельзя отнести к категории травматически обусловленных, можно обнаружить тот же травматический элемент и что он, по-видимому, имеет этиологическое значение. Таким образом, для Фрейда, как ученика Шарко, было вполне естественно видеть в этом наблюдении подтверждение взглядов своего учителя. Следовательно, теория, выработанная главным образом Фрейдом на основании собранных на тот момент данных, несла на себе отпечаток травматической этиологии. Посему ее вполне уместно было назвать теорией травмы.

Новым в этой теории, помимо тщательности анализа истерических симптомов, предпринятого Фрейдом, явился отказ от концепции самовнушения, представлявшей собой динамический элемент первоначальной гипотезы, в пользу более детальной концепции психологических и психофизических эффектов, вызванных шоком. Шок или травма порождают возбуждение, от которого при нормальных условиях избавляются путем «абреакции». Однако при истерии от травмы освобождаются не полностью, что приводит к «задержке возбуждения» или «блокировке аффекта». Энергия возбуждения, всегда доступная *in potentia*,¹⁷ преобразуется в физические симптомы посредством механизма конверсии. Согласно этой точке зрения, задача терапии состояла в том, чтобы разрядить накопленное возбуждение и тем самым высвободить вытесненные и конвертированные аффекты. По этой причине данный метод получил меткое название «очищающего», или «катартического»; его целью было вызвать «абреакцию» заблокированных аффектов. Таким образом, данная стадия анализа была весьма тесно связана с симптомами – их анализировали или отталкивались от них в начале анализа, что, безусловно, сильно отличалось от психоаналитической техники, используемой сегодня. Катартический метод и теория, на которой он основан, как вы знаете, были переняты другими, интересующимися психоанализом специалистами, а также получили положительные отзывы в учебниках.

Хотя открытия Брейера и Фрейда, несомненно, верны по существу, что легко доказывает любой случай истерии, против теории травмы, тем не менее, можно выдвинуть несколько возражений. Метод Брейера – Фрейда с удивительной ясностью показывает ретроспективную связь между текущим симптомом и травматическим переживанием, а также психологические последствия, которые, по-видимому, неизбежно вытекают из первоначальной травматической ситуации. Однако *этиологическое* значение травмы вызывает определенные сомнения. Во-первых, гипотеза, согласно которой невроз со всеми его осложнениями может быть связан с событиями в прошлом, то есть с неким фактором предрасположенности пациента, должна показаться спорной любому, кто сталкивался с истерией. В наши дни стало модным рассматривать все психические отклонения неэкзогенного происхождения как последствия наследственной дегенерации, а не как преимущественно обусловленные психологией пациента и условиями окружающей его среды. Тем не менее, эта крайняя точка зрения не согласуется с фактами. Возьмем этиологию туберкулеза. Несомненно, существуют случаи, когда зародыш болезни раз-

¹⁶ Вероятно, речь идет о Герберте У. Пейдже, британском психиатре, который опубликовал несколько трудов на эту тему.

¹⁷ В потенции, потенциально (*лат.*).

вивается с раннего детства в почве, предрасположенной к этому наследственностью, так что даже при самых благоприятных условиях больной не может избежать своей участи. Но бывают и случаи, когда нет ни дурной наследственности, ни предрасположенности, а смертельное заражение происходит все равно. То же в равной степени верно и в отношении неврозов: и здесь, и в общей патологии картина примерно одинаковая. Бескомпромиссная теория предрасположенности будет столь же ошибочной, как и бескомпромиссная теория среды.

Хотя теория травмы придавала особое значение предрасположенности и даже настаивала на том, что некоторые прошлые травмы суть *conditio sine qua non*¹⁸ невроза, Фрейд, будучи блестящим эмпириком, обнаружил и описал в «Исследованиях» некоторые элементы, которые больше напоминают «теорию среды», нежели «теорию предрасположенности», хотя их подлинное теоретическое значение в то время было понято не до конца. Фрейд синтезировал эти наблюдения в понятие, которое позволяло выйти далеко за рамки теории травмы. Это понятие он назвал вытеснением. Как вы знаете, под вытеснением мы понимаем механизм, посредством которого сознательное содержание переносится в сферу вне сознания. Мы называем эту сферу бессознательным и определяем его как психический элемент, который не осознается. Понятие вытеснения основано на многочисленных наблюдениях, свидетельствующих о том, что невротики, по всей видимости, обладают способностью забывать значимые переживания или мысли настолько основательно, что кажется, будто они не существовали вовсе. Такие наблюдения весьма распространены и хорошо известны всякому, кто дает себе труд хоть сколько-нибудь глубоко проникнуть в психологию своих пациентов.

Благодаря «Исследованиям» Брейера – Фрейда было установлено, что для возвращения в сознание давно забытых травматических переживаний необходимы особые процедуры. Мимоходом замечу, что данное обстоятельство примечательно само по себе: изначально мы не склонны полагать, будто такие важные вещи могут быть вообще забыты. По этой причине нам часто возражают, что воспоминания, восстановленные с помощью гипноза, просто «внушаются» и не имеют никакого отношения к реальности. Даже если бы это сомнение было оправданно, оно не дает никаких оснований отрицать вытеснение в принципе: известно много случаев, когда фактическое существование вытесненных воспоминаний нашло объективное подтверждение. Помимо многочисленных доказательств подобного рода, данный феномен можно продемонстрировать экспериментально, с помощью ассоциативного теста. Здесь мы обнаруживаем, что ассоциации, относящиеся к чувственно окрашенным комплексам, гораздо труднее запоминаются и очень часто забываются. Поскольку мои эксперименты никогда не проверялись, это открытие было отвергнуто вместе с остальными. Лишь недавно Вильгельм Петерс из школы Крепелина¹⁹ смог подтвердить мои прежние наблюдения, доказав, что «болезненные переживания очень редко воспроизводятся правильно».²⁰

Как видите, понятие вытеснения зиждется на прочной эмпирической основе. Но возникает вопрос: вытеснение есть результат сознательного решения индивида, или воспоминания исчезают пассивно, без соответствующего сознательного знания? В трудах Фрейда вы найдете убедительные доказательства сознательной тенденции вытеснять все болезненное. Каждому психоаналитику известны десятки случаев, когда в какой-то момент в прошлом больной решил, что больше не хочет думать о содержании, которое в дальнейшем было вытеснено. Один мой пациент многозначительно заметил: «Je l'ai mis de côté».²¹ С другой стороны, мы не должны забывать, что есть много случаев, когда невозможно показать даже малейший след «отбрасывания» или сознательного вытеснения; когда кажется, что процесс вытеснения

¹⁸ Необходимое условие (*лат.*).

¹⁹ Ученик видного философа и психолога В. Вундта, Петерс работал под руководством Э. Крепелина (см. выше) и много занимался вопросами детской психологии и психологии развития.

²⁰ [«Gefühl und Erinnerung», с. 237.]

²¹ «Я отложил это на потом» (*фр.*).

больше сродни пассивному исчезновению или даже погружению впечатлений под поверхность под влиянием некой силы, действующей снизу. Пациенты первого типа производят впечатление умственно развитых людей, страдающих, по всей видимости, только особой трусостью по отношению к собственным чувствам. Среди вторых можно найти случаи, свидетельствующие о более серьезной задержке развития, ибо здесь процесс вытеснения сравним скорее с автоматическим механизмом. Данное различие может быть связано с рассмотренным выше вопросом об относительной важности предрасположенности и среды. В случаях первого типа многое зависит от влияния окружения и образования, тогда как во втором типе, очевидно, преобладает фактор предрасположенности. Совершенно ясно, с какими пациентами лечение будет более эффективным.

Как я уже упоминал, понятие вытеснения содержит элемент, который по самой своей природе противоречит теории травмы. Так, в случае Люси Р., проанализированном Фрейдом,²² мы видим, что этиологически значимый фактор следует искать не в травматических сценах, а в недостаточной готовности пациентки принять навязанные ей прозрения. В более поздней формулировке, приведенной в «Исследованиях неврозов», где, опираясь на свой опыт, Фрейд был вынужден признать источником невроза определенные травматические события в раннем детстве, мы ощущаем явное несоответствие между понятием вытеснения и понятием травмы. Понятие вытеснения содержит элементы этиологической теории среды, в то время как понятие травмы представляет собой теорию предрасположенности.

Поначалу теория невроза развивалась всецело в русле концепции травмы. В своих более поздних исследованиях Фрейд пришел к выводу, что травматическим переживаниям более старшего возраста нельзя приписать никакой положительной значимости, ибо их последствия мыслимы только на основе специфической предрасположенности. Очевидно, именно здесь и нужно было искать разгадку. Исследуя истоки истерических симптомов, Фрейд обнаружил, что аналитическая работа ведет назад, в детство; причинно-следственная цепочка тянулась из настоящего в далекое прошлое, грозя затеряться в тумане раннего детства. Но именно в этот момент появлялись воспоминания о некоторых сексуальных сценах – активных или пассивных, – которые были недвусмысленно связаны с последующими событиями, ведущими к неврозу. О природе этих сцен вы можете узнать из работ Фрейда и многочисленных анализов, которые уже были опубликованы.

На этой почве возникла теория сексуальной травмы в детском возрасте, которая столкнулась с ожесточенной критикой из-за теоретических возражений не против теории травмы в целом, а против элемента сексуальности в частности. Во-первых, сама мысль о том, что дети наделены сексуальностью и что сексуальные мысли могут играть определенную роль в их жизни, вызвала величайшее негодование. Во-вторых, гипотеза о сексуальном происхождении истерии представлялась крайне нежелательной: бесплодная позиция, согласно которой истерия либо является маточным рефлекторным неврозом, либо возникает из-за отсутствия сексуального удовлетворения, только-только была отброшена. Посему вполне естественно, что обоснованность наблюдений Фрейда подверглась резкой критике. Если бы его оппоненты ограничились этим вопросом и не пытались приукрасить свои возражения моральным негодованием, спокойная дискуссия была бы возможна. В Германии, например, этот метод нападения заведомо исключил всякое доверие к теории Фрейда. Идея детской сексуальности вызвала всеобщее сопротивление и самое высокомерное презрение. В действительности же вопрос был только один: верны ли наблюдения Фрейда или нет? Только он может иметь значение для истинно научного ума. Осмелюсь сказать, что эти наблюдения на первый взгляд могут показаться неправдоподобными, но считать их ложными априори недопустимо. Везде, где была проведена основательная и тщательная проверка, удалось подтвердить существование психо-

²² [См. *Й. Брейер, З. Фрейд. Исследования истерии.*]

логических связей, постулируемых Фрейдом, но не первоначальную гипотезу о реальных травматических эпизодах.

Впоследствии сам Фрейд был вынужден отказаться от исходной формулировки своей сексуальной теории невроза. На основании дальнейших исследований он уже не мог придерживаться первоначальных взглядов на абсолютную реальность сексуальной травмы. Сцены явно сексуального характера, сексуальное насилие над детьми и преждевременная сексуальная активность в детстве позже были признаны в значительной степени нереальными. Возможно, некоторые из вас склонны разделять мнение критиков, что результаты аналитических исследований Фрейда были основаны на внушении. Такое предположение было бы не лишено оснований, будь эти выводы обнаружены каким-нибудь шарлатаном или другим неквалифицированным лицом. Однако всякий, кто внимательно читал работы Фрейда того периода и пытался вникнуть в психологию его пациентов так, как делал это он, понимает, как несправедливо было бы приписывать такому ученому, как Фрейд, грубые ошибки новичка. Подобные инсинуации только дискредитируют тех, от кого исходят. С тех пор пациентов обследовали в условиях, исключающих какое бы то ни было внушение, и все же психологические связи, описанные Фрейдом, были доказаны в принципе. Таким образом, мы вынуждены предположить, что многие травмы раннего детства по сути являются просто фантазиями, в то время как другие образуют объективную реальность.

Это открытие опровергает этиологическое значение сексуальной травмы в детстве, поскольку теперь совершенно неважно, была травма в действительности или нет. Опыт подсказывает нам, что фантазии могут быть столь же травмирующими, как и реальные травмы. В противоположность этому каждый врач, лечащий истерию, может припомнить случаи, когда сильные травматические впечатления действительно вызывали невроз. Это наблюдение находится лишь в кажущемся противоречии с уже обсуждавшейся нереальностью детской травмы. Мы прекрасно знаем, что есть много людей, которые пережили травму в детстве или во взрослой жизни, но не стали невротиками. Следовательно, травма, при прочих равных условиях, не имеет абсолютного этиологического значения и не обязательно оказывает какое-либо длительное воздействие. Чтобы это произошло, человек должен обладать вполне определенной внутренней предрасположенностью. Эту внутреннюю предрасположенность следует понимать не как смутную наследственную диспозицию, о которой мы знаем слишком мало, а как психологическое развитие, достигающее своего апогея и проявляющееся в травматический момент.

Позвольте мне продемонстрировать природу травмы и психологическую подготовку к ней на конкретном примере. Мне вспоминается случай одной молодой женщины, у которой после сильного испуга развилась острая форма истерии.²³ Она была в гостях и около полуночи возвращалась домой в сопровождении нескольких своих знакомых. Неожиданно сзади появился экипаж. Лошади шли крупной рысью. Ее друзья отступили в сторону; она же, словно зачарованная, осталась на середине дороги и в ужасе бежала перед лошадьми. Кучер шелкнутом и выкрикивал ругательства, но все было напрасно: она пробежала всю улицу и выскочила на мост. Там силы оставили ее; чтобы не оказаться под копытами лошадей, она в отчаянии прыгнула бы в реку, не помешай ей добрые прохожие. Эта же самая дама оказалась в Санкт-Петербурге, в кровавый день 22 января [1905 г.], на той самой улице, которую солдаты «расчищали» залповым огнем. Вокруг нее падали убитые и раненые; она же, сохраняя удивительное спокойствие и здравомыслие, заметила ведущие во двор ворота и перебежала на другую улицу. Эти страшные мгновения не вызвали у нее никакой ажитации. После она чувствовала себя хорошо – пожалуй, даже лучше, чем обычно.

Отсутствие реакции на явный шок наблюдается часто. Отсюда неизбежно следует, что интенсивность травмы сама по себе имеет крайне малое патогенное значение; все зависит от

²³ Более подробно этот случай изложен в книге «Аналитическая психология», АСТ, 2020: абз. 8 и далее, абз. 417 и далее.

конкретных обстоятельств. Здесь мы обнаруживаем возможный ключ к тайне «предрасположенности». Нам следует спросить себя: каковы особые обстоятельства в ситуации с экипажем? Пациентка испугалась, как только услышала цокот копыт; на мгновение ей показалось, что этот звук – предзнаменование страшной беды: ее гибели или чего-то не менее ужасного. В следующую секунду она уже не отдавала себе отчет, что делает.

Настоящий шок, очевидно, исходил от лошадей. Предрасположенность пациентки к тому, чтобы столь необъяснимым образом отреагировать на столь незначительный инцидент, таким образом, могла состоять в том, что лошади имели для нее какое-то особое значение. Можно предположить, например, что однажды она пережила некий связанный с лошадьми опасный эпизод. Так и было. Однажды, когда ей было около семи лет, она ехала в карете со своим кучером; лошади испугались и понеслись к высокому и крутому берегу реки. Кучер спрыгнул на землю и кричал ей, чтобы она сделала то же самое, но она была так напугана, что никак не могла решиться. К счастью, в последний момент она все же спрыгнула, после чего лошади рухнули в пропасть вместе с каретой. То, что подобное событие оставит глубокое впечатление, едва ли нуждается в доказательствах. Однако это не объясняет, почему впоследствии абсолютно безобидный стимул вызвал столь нелепую реакцию. Пока нам известно лишь то, что возникший симптом уходит своими корнями в детство, однако его патологический аспект по-прежнему остается неясен.

Данный анамнез, продолжение которого мы узнаем позже, ясно показывает несоответствие между так называемой травмой и той ролью, которую играет фантазия. В этом случае фантазия должна преобладать в совершенно необычайной степени, дабы произвести столь сильный эффект по столь незначительному поводу. Поначалу можно привести в качестве объяснения раннюю детскую травму. Впрочем, подобное объяснение не очень удачно, как мне кажется, ибо мы до сих пор не понимаем, почему последствия этой травмы оставались латентными так долго или почему проявились именно в этот конкретный момент. Пациентке наверняка не раз приходилось сторониться экипажа, мчащегося на полной скорости. Момент смертельной опасности, пережитый ею ранее в Петербурге, не оставил после себя ни малейшего следа невроза, несмотря на то что она была явно предрасположена к нему вследствие впечатляющего инцидента в детстве. Все, что связано с этим травматическим эпизодом, еще предстоит объяснить, ибо с точки зрения теории травмы мы по-прежнему блуждаем в потемках.

Надеюсь, вы простите меня за то, что я с таким упорством возвращаюсь к вопросу о теории травмы. Я не считаю это излишним, ибо в наши дни многие люди – даже те, кто имеет непосредственное отношение к психоанализу, – по-прежнему цепляются за устаревшие воззрения. В результате у наших оппонентов, которые в большинстве своем никогда не читают наших работ или делают это весьма поверхностно, создается впечатление, будто психоанализ до сих пор вращается вокруг теории травмы.

Возникает вопрос: что мы должны понимать под предрасположенностью, в силу которой впечатление, само по себе незначительное, может произвести такое патологическое действие? Это вопрос фундаментальной важности, который, как мы увидим позже, играет важную роль во всей теории невроза. Мы должны понять, почему кажущиеся нерелевантными события прошлого имеют настолько большое значение, что могут столь демоническим и капризным образом влиять на наше поведение в реальной жизни.

Ранняя школа психоанализа и ее позднейшие последователи делали все возможное, чтобы обнаружить в особом качестве этих первоначальных травматических переживаний причину их последующего воздействия. Фрейд пошел дальше всех: он первым увидел, что к травматическому событию примешивается некий сексуальный элемент, и что эта примесь, о которой пациент обычно не подозревает, и есть основной источник эффекта травмы. Бессознательность сексуальности в детстве, казалось, пролила значительный свет на проблему устойчивой констелляции, вызванной первоначальным травматическим опытом. Подлинное

эмоциональное значение этого опыта остается скрытым от пациента, в результате чего эмоция, будучи не в состоянии достичь сознания, никогда не истощается, никогда не исчерпывается. Данный устойчивый организующий, собирательный эффект, вероятно, можно объяснить как своего рода *suggestion a échàance*,²⁴ ибо оно тоже бессознательно и обнаруживает свое действие лишь в назначенное время.

Едва ли есть необходимость в подробных примерах, свидетельствующих о том, что подлинный характер сексуальных действий в младенчестве не признается. Врачу хорошо известно, например, что открытая мастурбация вплоть до взрослой жизни не воспринимается как таковая, особенно женщинами. Из этого легко сделать вывод, что ребенок еще менее сознает характер тех или иных действий; следовательно, истинный смысл этих переживаний остается скрытым от сознания даже во взрослой жизни. В некоторых случаях сами переживания полностью забываются либо потому, что их сексуальное значение совершенно неизвестно пациенту, либо потому, что их сексуальный характер, будучи слишком болезненным, не признается – иными словами, вытесняется.

Как уже было упомянуто выше, Фрейд рассматривал примесь сексуального элемента в травме как характерный сопутствующий фактор, имеющий патологический эффект. Данное наблюдение легло в основу теории инфантильной сексуальной травмы. Согласно этой гипотезе, патогенный опыт носит сексуальный характер.

Новая теория столкнулась с яростным сопротивлением: общепринятое мнение гласило, что маленькие дети вообще не обладают сексуальностью, а значит, такая этиология немыслима в принципе. Модификация уже обсуждавшейся теории травмы, а именно что травма, как правило, никак не связана с реальной действительностью и по существу является плодом воображения, отнюдь не улучшила ситуацию. Напротив, она обязывала нас видеть в патогенном опыте положительную сексуальную манифестацию инфантильной фантазии. Это уже не какое-то случайное впечатление, навязанное извне, а явное проявление сексуальности, фактически исходящее от самих детей. Даже реальный травматический опыт определенно сексуального характера требует некоторого участия со стороны ребенка; было обнаружено, что зачастую он сам подготавливает для него почву. В подтверждение этого Абрахам²⁵ предоставил ценные и весьма интересные доказательства, которые в сочетании с другими наблюдениями подобного рода указывают на то, что даже в реальных травмах психологическая установка ребенка играет важную роль. Медицинская юриспруденция, совершенно независимо от психоанализа, может привести любопытные параллели в поддержку этого психоаналитического утверждения.

Отныне главным источником невроза представлялись ранние манифестации сексуальных фантазий и их травматическое воздействие. Как следствие, детям пришлось приписать гораздо более развитую сексуальность, чем это признавалось ранее. Случаи преждевременной половой зрелости были описаны в литературе уже давно, например у двухлетней девочки, которая регулярно менструировала, или у мальчиков в возрасте от трех до пяти лет, имевших эрекцию и потому способных к совокуплению. Однако эти случаи были не более чем курьезами. Каково же было всеобщее изумление, когда Фрейд стал приписывать детям не только обычную сексуальность, но даже так называемую полиморфно-перверсивную сексуальность, причем на основе самых исчерпывающих исследований. Люди тут же сделали вывод, что все это было результатом внушения и, следовательно, представляло собой в высшей степени спорный искусственный продукт.

В этих обстоятельствах «Три очерка по теории сексуальности» Фрейда вызвали не только противодействие, но и бурное негодование. Едва ли нужно упоминать, что возмущение не

²⁴ Букв.: «истекшее внушение» (*фр.*).

²⁵ Имеется в виду немецкий психоаналитик К. Абрахам, ученик З. Фрейда. См. русское издание работ ученого: Абрахам К. Характер и развитие. Ижевск, 2007.

содействует научному прогрессу и что аргументы, основанные на чувстве праведного гнева, приличествуют моралисту – ибо таково его занятие, – но не ученому, который обязан руководствоваться истиной, а не моральными соображениями. Если все действительно так, как описывает Фрейд, то всякое негодование абсурдно; если нет, то негодование ничего не даст. Решить, что есть истина, можно лишь на основании тщательных наблюдений и исследований. Вследствие этого неуместного возмущения противники психоанализа, за немногими достойными исключениями, являют собой несколько комическую картину прискорбной отсталости. Хотя психоаналитическая школа, к сожалению, ничего не смогла почерпнуть из своей критики, ибо критики не утруждают себя изучением наших подлинных выводов, и не смогла получить никаких полезных подсказок, ибо психоаналитический метод исследования был и остается непонятым, тем не менее долг ее сторонников состоит в том, чтобы тщательно обсудить расхождения между существующими взглядами. Мы стремимся не к тому, чтобы выдвинуть парадоксальную теорию, противоречащую всем предыдущим теориям, а скорее к тому, чтобы ввести в науку определенную категорию новых наблюдений. Посему мы считаем своей прямой обязанностью сделать все возможное, дабы прийти к согласию. Разумеется, мы должны отказаться от попыток достичь взаимопонимания со всеми теми, кто слепо противостоит нам (это было бы пустой тратой сил), но мы надеемся заключить мир с людьми науки. Ниже я попытаюсь обрисовать дальнейшее концептуальное развитие психоанализа вплоть до того момента, когда была сформулирована *сексуальная теория невроза*.

2. Теория инфантильной сексуальности

Как мы уже говорили в предыдущей лекции, открытие ранних сексуальных фантазий, казавшихся основным источником невроза, побудило Фрейда предположить существование богато развитой инфантильной сексуальности. Как вы знаете, достоверность этого наблюдения была решительно оспорена; предполагалось, что грубая ошибка и фанатичное заблуждение заставили Фрейда и всю его школу, как в Европе, так и в Америке, видеть вещи, которых не существует. Посему принято считать, что мы охвачены некоей интеллектуальной эпидемией. Должен признаться, что у меня нет никакой возможности защититься от такого рода «критики». Что касается остального, не могу не заметить, что наука не имеет права с самого начала утверждать, будто определенные факты не существуют. Самое большее, что можно сказать, – это то, что они представляются крайне маловероятными и нуждаются в подтверждении и более тщательном изучении. Таков наш ответ и на возражение, что из психоаналитического метода нельзя извлечь ничего сколько-нибудь достоверного, ибо сам метод абсурден. Никто не верил в телескоп Галилея, да и Колумб открыл Америку исключительно благодаря ошибочной гипотезе. Насколько мне известно, метод может быть несовершенен, но это не должно препятствовать его применению. В прошлом, например, хронологические и географические наблюдения проводились с использованием совершенно неподходящих для этого инструментов. Возражения против метода должны рассматриваться как увертки до тех пор, пока наши оппоненты не ознакомятся с фактами. Именно в этой плоскости следует решать возникающие вопросы – не путем словесных перепалок.

Даже наши оппоненты называют истерию психогенной болезнью. Мы полагаем, что открыли ее психологические детерминанты, и без страха выносим результаты наших исследований на суд общественности. Любой, кто не согласен с нашими выводами, волен опубликовать свой собственный анализ клинического материала. Насколько я знаю, пока это не было сделано, по крайней мере в европейской литературе. При таких обстоятельствах критики не имеют права отрицать наши открытия априори. Наши оппоненты сталкиваются с такими же случаями истерии, как и мы, и они такого же психогенного происхождения, как и наши, а потому ничто не мешает им выявить психологические детерминанты. Метод тут ни при чем. Наши оппоненты довольствуются нападками и очернением наших исследований, но пока не придумали способ лучше.

Многие из наших критиков более осторожны и справедливы; они признают, что мы сделали много ценных наблюдений и что психические связи, обнаруженные психоаналитическим методом, по всей вероятности, существуют. Тем не менее они продолжают утверждать, что наше представление о них в корне ошибочно. Согласно их точке зрения, предполагаемые сексуальные фантазии детей, которые интересуют нас здесь, следует трактовать не как реальные сексуальные функции, а как, очевидно, нечто совершенно иное, ибо специфический характер сексуальности приобретает только с наступлением половой зрелости.

Это возражение, спокойный и рассудительный тон которого производит достойное впечатление, заслуживает самого серьезного отношения и дает каждому вдумчивому аналитику достаточно поводов для размышлений.

Прежде всего, необходимо отметить, что главная трудность заключается в самом понятии сексуальности. Если мы понимаем сексуальность как полностью развитую функцию, то должны ограничить это явление периодом зрелости и не вправе говорить о детской сексуальности. Однако в этом случае мы сталкиваемся с гораздо более серьезной проблемой. Как же тогда назвать все те биологические явления, которые коррелируют с половой функцией в строгом смысле, например беременность, рождение, естественный отбор, защиту потомства и прочее? На мой взгляд, все это относится к понятию сексуальности, хотя один мой уважаемый

коллега однажды сказал, что деторождение – это не сексуальный акт. Но если все это относится к понятию сексуальности, то в него должны входить и бесчисленные психологические явления, ибо мы знаем, что с этой сферой связано невероятное количество сугубо психологических функций. Достаточно только упомянуть о чрезвычайной важности фантазии в подготовке и оттачивании сексуальной функции. Таким образом, мы приходим к биологической концепции сексуальности, которая включает в себя наряду с физиологическими явлениями ряд психологических функций. Пользуясь старой, но удобной классификацией, мы могли бы отождествить сексуальность с инстинктом сохранения вида, который в известном смысле можно противопоставить инстинкту самосохранения.

Рассматривая сексуальность с этой точки зрения, мы уже не находим удивительным, что корни столь важного для природы инстинкта сохранения вида уходят гораздо глубже, чем это допускает узкое толкование сексуальности. Только более или менее взрослая кошка ловит мышей, но даже очень маленький котенок играет в их ловлю. Щенки предпринимают игривые попытки совокупления задолго до наступления половой зрелости. Мы вправе предположить, что человек не исключение из этого правила. Хотя мы и не обнаруживаем такое поведение у наших воспитанных детей, наблюдение за детьми в первобытных племенах доказывает, что они не выходят за рамки биологической нормы. В самом деле, гораздо более вероятно, что жизненно важный инстинкт сохранения вида начинает развиваться в раннем младенчестве, а не сваливается с небес в готовом виде в период полового созревания. Кроме того, органы размножения формируются задолго до того, как можно заметить первые признаки их будущей функции.

По этой причине, когда психоаналитическая школа говорит о «сексуальности», под ней следует понимать в том числе и более широкое понятие сохранения вида. Недопустимо думать, будто мы имеем в виду только физические ощущения и функции, которые обычно подразумеваются под этим словом. Можно было бы сказать, что во избежание недоразумений лучше не называть подготовительные явления раннего детства «сексуальными». Впрочем, это требование едва ли можно считать оправданным, поскольку анатомическая номенклатура взята из полностью развитой системы, а давать специальные названия более или менее рудиментарным стадиям не принято.

Хотя в сексуальной терминологии Фрейда как таковой нет никакого изъяна, ибо он дает всем стадиям сексуального развития общее название сексуальности, она тем не менее привела к определенным выводам, которые, на мой взгляд, несостоятельны. Если мы спросим себя, как далеко в детство уходят первые следы сексуальности, мы будем вынуждены признать, что хотя сексуальность существует имплицитно *ab ovo*, проявляется она спустя долгое время после рождения. Фрейд склонен видеть своего рода половой акт даже в сосании материнской груди. Данная точка зрения подверглась резкой критике, однако она достаточно разумна, если мы вместе с Фрейдом предположим, что инстинкт сохранения вида, то есть сексуальность, существует как бы отдельно от инстинкта самосохранения, то есть питательной функции, и соответственно проходит собственный путь развития *ab ovo*. Но подобный образ мыслей представляется мне биологически неприемлемым. Невозможно разделить два способа манифестации или функционирования гипотетического инстинкта жизни и приписывать каждому из них особый путь формирования. Если судить по тому, что мы видим, то мы должны принять во внимание тот факт, что во всей органической природе жизнь долгое время состоит исключительно в функциях питания и роста. Мы можем наблюдать это у многих организмов, например у бабочек, которые на стадии гусеницы не имеют пола и только питаются и растут. У человека к этой жизненной стадии относятся внутриутробный период развития и период младенчества.

Поскольку это время характеризуется отсутствием какой-либо сексуальной функции, говорить о проявленной сексуальности в младенчестве было бы терминологическим противоречием. Самое большее, мы можем спросить себя, есть ли среди жизненно важных функ-

ций инфантильного периода такие, которые не связаны с питанием и ростом, а потому могут быть названы сексуальными. Фрейд указывает на несомненное возбуждение и удовлетворение ребенка при сосании и сравнивает эти эмоциональные механизмы с механизмами полового акта. Это сравнение приводит его к выводу о том, что акту сосания присуще сексуальное качество. Такое предположение было бы оправдано лишь в том случае, если бы мы доказали, что напряжение физической потребности и его разрядка через удовлетворение есть сексуальный процесс. Однако тот факт, что сосание обладает этим эмоциональным механизмом, доказывает как раз обратное. Следовательно, мы можем утверждать только то, что данный эмоциональный механизм обнаруживается как в питательной функции, так и в сексуальной. Если Фрейд выводит сексуальное качество акта сосания из аналогии с эмоциональным механизмом, то биологический опыт вполне оправдывает терминологию, характеризующую сексуальный акт как функцию питания. И то и другое выходит за всякие рамки. Совершенно очевидно, что акт сосания не может считаться сексуальным.

Мы знаем, однако, целый ряд других функций младенческой стадии, которые, по всей видимости, не имеют ничего общего с функцией питания: например, сосание пальца и его многочисленные варианты. Относятся ли эти функции к сексуальной сфере? Они не служат питанию, но доставляют удовольствие. В этом не может быть сомнений; другой вопрос, следует ли удовольствие, получаемое от сосания, называть по аналогии сексуальным удовольствием. С равным успехом его можно было бы назвать пищевым. Это последнее определение тем более уместно, что форма удовольствия и место, где оно достигается, целиком принадлежат сфере питания. Рука, которая используется для сосания, подготавливается таким образом к самостоятельному акту кормления в будущем. В этом случае, разумеется, никто не станет утверждать, что первые проявления человеческой жизни носят сексуальный характер.

И все же формула, к которой мы только что пришли, а именно что удовольствие от сосания пальца не служит никакой питательной цели, заставляет нас усомниться, принадлежит ли оно всецело к сфере питания. Мы замечаем, что так называемые вредные привычки ребенка, формирующиеся по мере его взросления, тесно связаны с ранним инфантильным сосанием, например привычка засовывать палец в рот, грызть ногти, ковырять в носу, ушах и т. д. Мы видим также, как легко эти привычки впоследствии переходят в мастурбацию. Вывод о том, что инфантильные привычки представляют собой первые стадии мастурбации или подобной деятельности, а потому имеют ярко выраженный сексуальный характер, нельзя отрицать: он абсолютно логичен и обоснован. Я наблюдал много случаев, когда между этими детскими привычками и мастурбацией существовала несомненная корреляция; мастурбация в позднем детстве, до наступления половой зрелости, есть не что иное, как продолжение инфантильных вредных привычек. С этой точки зрения совершенно естественно предполагать, что и другие инфантильные привычки носят сексуальный характер, ибо все они суть акты получения удовольствия от собственного тела.

Отсюда всего лишь шаг до отнесения акта сосания к категории сексуальных действий. Фрейд, как вы знаете, сделал этот шаг. Я решительно не согласен с ним, ибо здесь мы сталкиваемся с противоречием, которое трудно разрешить. Это было бы довольно легко, если бы мы могли предположить сосуществование двух отдельных инстинктов. Тогда сосание груди было бы нутритивным актом и в то же время половым актом, своего рода сочетанием двух инстинктов. Такова, по-видимому, концепция Фрейда. Очевидное сосуществование двух инстинктов, точнее их манифестация в виде голода и сексуального влечения, обнаруживается в жизни взрослых людей. Однако на инфантильной стадии мы находим *только* функцию питания, с которой связано всякое удовольствие и удовлетворение. Ее сексуальный характер может быть доказан лишь *petitio principii*,²⁶ ибо, как показывают наблюдения, первым источником удоволь-

²⁶ Предвосхищением основания (*лат.*); имеется в виду распространенная логическая ошибка, когда в качестве аргументов

ствия является акт сосания, а не сексуальная функция. *Получение удовольствия отнюдь не тождественно сексуальности*. Мы заблуждаемся, если думаем, будто у младенца эти два инстинкта существуют бок о бок, ибо в таком случае мы проецируем в психику ребенка наблюдение из психологии взрослых. Сосуществование или раздельное проявление обоих инстинктов *не* обнаруживается у младенца, поскольку одна из инстинктивных систем совсем не развита или находится в зачаточном состоянии. Приняв точку зрения, согласно которой стремление к удовольствию сексуально по самой своей природе, мы вынуждены постулировать, как это ни парадоксально, что голод – сексуальное стремление, поскольку ищет удовольствие через удовлетворение. Но если мы сами жонглируем понятиями таким образом, то наши оппоненты имеют полное право трактовать сексуальность сквозь призму голода. Подобного рода однобокость возникает снова и снова в истории науки. Я говорю это не в упрек: напротив, мы должны быть рады, что есть люди, которым хватает смелости быть несдержанными и однобокими. Именно им мы обязаны своими открытиями. Прискорбно то, что каждый страстно отстаивает свою однобокость. Научные теории – это просто предположения о том, как можно рассматривать те или иные явления.

Сосуществование двух инстинктивных систем – это гипотеза, которая, безусловно, облегчила бы дело, но, к сожалению, принять ее невозможно, ибо она противоречит наблюдаемым фактам и ведет к несостоятельным выводам.

Прежде чем я попытаюсь разрешить это противоречие, я должен сказать еще кое-что о сексуальной теории Фрейда и о тех изменениях, которые она претерпела. Как я уже объяснял выше, открытие сексуальной фантазийной активности в детстве, оказывающей, по всей видимости, травматическое действие, привело к предположению, что ребенок должен обладать, вопреки всем прежним взглядам, почти полностью развитой сексуальностью и даже полиморфно-перверсивной сексуальностью. Его сексуальность не сосредоточена на генитальной функции и не направлена на противоположный пол, но занята собственным телом; следовательно, она аутоэротична. Если сексуальный интерес направлен вовне на другого человека, то для ребенка не имеет большого значения, какого пола этот человек. Посему ребенок легко может быть «гомосексуальным». Вместо несуществующей, локализованной сексуальной функции существует ряд так называемых вредных привычек, которые с этой точки зрения представляются перверсивными, ибо имеют близкие аналогии с последующими отклонениями (извращениями).

В результате сексуальность, обычно рассматриваемая как нечто цельное, была разложена на множество отдельных влечений; поскольку по умолчанию предполагалось, что сексуальность берет свое начало в гениталиях, Фрейд пришел к концепции «эрогенных зон», под которыми подразумевал рот, кожу, анус и т. д.

Термин «эрогенная зона» напоминает нам о «спазмогенной зоне». Во всяком случае, основная идея та же: подобно тому, как спазмогенная зона является местом возникновения спазма, эрогенная зона является местом, откуда исходит прилив сексуальности. Если взять за основу модель гениталий как анатомического источника сексуальности, эрогенные зоны следует рассматривать как множество половых органов, из которых проистекает сексуальность. Это состояние и есть полиморфно-перверсивная сексуальность детей. Термин «перверсивный» оправдан близкой аналогией с более поздними отклонениями, которые представляют собой, так сказать, просто новое издание некоторых «извращенных» интересов раннего детства. Они часто связаны с той или иной эрогенной зоной и вызывают те сексуальные аномалии, которые так характерны для детей.

С этой точки зрения более поздняя, нормальная «мономорфная» сексуальность состоит из нескольких компонентов. Сначала она распадается на гомо- и гетеросексуальную составля-

ющие, далее идет аутоэротическая составляющая, затем различные эрогенные зоны. Данную концепцию можно сравнить с состоянием физики до Роберта Майера, когда ученые выделяли только отдельные области явлений, каждой из которых приписывались элементарные качества. Закон сохранения энергии внес порядок в отношения сил друг к другу, одновременно упразднив представление об этих силах как носящих абсолютный, элементарный характер и сделав их проявлениями одной и той же энергии. То же самое должно произойти и с расщеплением сексуальности на полиморфно-перверсивную сексуальность детства.

Опыт заставляет нас постулировать постоянный взаимообмен отдельными компонентами. Со временем было признано, что перверсии, например, существуют за счет нормальной сексуальности и что преобладание одной формы сексуальности всегда происходит в ущерб ее другой форме. Приведу пример. У одного молодого человека гомосексуальная фаза длилась несколько лет, в течение которых он совершенно не интересовался девушками. Ближе к двадцати годам это ненормальное состояние постепенно начало уступать место типичным эротическим интересам. Юноша стал обращать внимание на женщин и вскоре преодолел последние следы гомосексуальности. Через несколько лет, после целой серии удачных романов, он захотел жениться. Но тут его постигло жестокое разочарование: обожаемая им девушка бросила его. После этого он не только отказался от всякой мысли о браке, но и начал питать неприязнь ко всем женщинам. Однажды он заметил, что гомосексуальность вернулась: юноши снова стали оказывать на него раздражающее действие.

Рассматривая сексуальность как состоящую из фиксированного гомосексуального и фиксированного гетеросексуального компонентов, мы никогда не сможем объяснить этот случай, ибо предположение о фиксированных составляющих заведомо исключает любую трансформацию. Чтобы отдать ему должное, необходимо допустить большую мобильность сексуальных компонентов, вплоть до того, что один компонент почти полностью исчезает, в то время как другой выходит на передний план. Предположим, что весь процесс сводится к простому изменению положения – действующая гомосексуальная составляющая полностью погружается в бессознательное, оставляя поле сознания гетеросексуальному компоненту. В таком случае современное научное знание привело бы нас к выводу, что из бессознательной сферы должны проистекать эквивалентные влияния. Эти влияния следовало бы рассматривать как сопротивление активности гетеросексуальной составляющей, то есть как сопротивление по отношению к женщинам. Однако в нашем случае доказательства этому отсутствуют. Хотя слабые следы таких влияний существовали, их интенсивность была столь низкой, что они не шли ни в какое сравнение с прежней активностью гомосексуального компонента.

Согласно существующей теории остается непонятным, как гомосексуальный компонент, считающийся столь прочно зафиксированным, может исчезнуть, не оставив после себя никаких активных следов. Более того, неясно, как вообще происходят эти трансформации. В крайнем случае можно вообразить развитие как включающее гомосексуальную стадию в пубертатный период с целью заложить основу для более поздней нормальной гетеросексуальности в фиксированной, определенной форме. Но как же тогда объяснить, что продукт постепенного развития, по всем признакам тесно связанный с органическими процессами созревания, внезапно отвергается, дабы освободилось место для более ранней стадии? Или, если два активных компонента постулируются как сосуществующие бок о бок, почему один из них активен, а другой – нет? Можно возразить, что гомосексуальная составляющая у мужчин действительно чаще всего проявляется в особой раздражительности, особой чувствительности по отношению к другим мужчинам. По моему опыту, очевидной причиной такого характерного поведения, примеров которому так много в современном обществе, является нарушение отношений с жен-

щинами, особая форма зависимости от них. Это составляет плюс, который уравнивается минусом в гомосексуальных отношениях²⁷.

Поэтому необходимо было срочно найти адекватное объяснение такой смене декораций. Для этого нам нужна динамическая гипотеза, ибо сексуальные преобразования можно рассматривать только как динамические или энергические процессы. Без изменения динамических отношений я не могу представить, как функция может исчезнуть подобным образом. Теория Фрейда учла эту потребность. Его концепция компонентов, отдельных способов функционирования начала ослабевать, сначала больше на практике, чем в теории, и в конце концов была заменена концепцией энергии, обозначенной термином *либидо*.

²⁷ Естественно, это не настоящая причина. Истинная причина – инфантильное состояние характера мужчины.

3. Понятие либидо

Фрейд вводит понятие либидо в «Трех очерках по теории сексуальности». Он пишет: «Факт половой потребности у человека и животного выражают в биологии тем, что у них предполагается “половое влечение”. При этом допускают аналогию с влечением к принятию пищи, голодом. Соответствующего слову “голод” обозначения не имеется в народном языке; наука пользуется словом “либидо”».

В определении Фрейда термин *либидо* означает исключительно сексуальную потребность; следовательно, все, что Фрейд подразумевает под либидо, следует понимать как сексуальную потребность или сексуальное влечение. В медицине термин *либидо*, безусловно, применяется для обозначения сексуального влечения, в особенности сексуального вожделения. Однако классическое употребление этого слова, встречающееся у Цицерона, Саллюстия и других, не было столь ограниченным; там оно используется в более общем смысле страстного желания²⁸. Я упоминаю об этом обстоятельстве сейчас, поскольку в дальнейшем термин *либидо* будет играть важную роль в нашей аргументации. Важно понимать, что в действительности это понятие имеет гораздо более широкий спектр значений, нежели в медицине.

Понятие либидо, сексуальное значение которого во фрейдистском смысле мы постараемся сохранить как можно дольше, представляет собой тот динамический фактор, который позволяет объяснить смену психологических декораций. Это понятие значительно облегчает формулировку рассматриваемых явлений. Вместо непостижимой замены гомосексуального компонента на гетеросексуальный, мы можем сказать, что либидо было постепенно выведено из гомосексуальной сферы и перешло в той же самой мере к сфере гетеросексуальной. При этом гомосексуальная составляющая почти полностью исчезает. Она остается лишь пустой возможностью, которая сама по себе ничего не значит. Неспециалист совершенно справедливо отрицает само ее существование, точно так же как он бы отрицал, скажем, обвинения в убийстве. Кроме того, понятие либидо помогает объяснить взаимосвязь между различными способами сексуального функционирования. В то же время оно позволяет отбросить первоначальную идею о множественности сексуальных компонентов, которая уж слишком напоминает старое философское представление о психических способностях. Их место занимает либидо, способное к самым разнообразным приложениям. Более ранние «компоненты» репрезентируют лишь возможные способы действия. Понятие либидо заменяет разделенную сексуальность, расщепленную на множество корней, динамическим единством, без которого эти некогда значимые компоненты остаются не чем иным, как потенциальными возможностями. Данное концептуальное нововведение имеет важнейшее значение; в психологии оно представляет собой тот же шаг вперед, что и понятие энергии в физике. Как теория сохранения энергии лишила различные силы их элементарного характера и сделала их проявлениями единой энергии, так и теория либидо лишает сексуальные компоненты их элементарного значения как психических «способностей» и придает им сугубо феноменологическую ценность.

Этот взгляд гораздо лучше отражает реальность, чем теория компонентов. С помощью теории либидо мы легко можем объяснить случай молодого человека, о котором говорилось выше. Разочарование, которое он испытал в связи с неудавшейся женитьбой, отклонило его либидо от гетеросексуального способа приложения, в результате чего оно снова приняло гомосексуальную форму и таким образом пробудило прежнюю гомосексуальность. Здесь аналогия с законом сохранения энергии особенно близка. Как известно, если в одном месте энергия убывала, мы должны спросить себя, в каком месте она прибыла. Применив этот принцип к психологии человеческого поведения, мы сделаем самые удивительные открытия. Мы увидим, что

²⁸ Подробнее см. мое определение либидо в «Символах трансформации», абз. 185.

наиболее гетерогенные фазы психологического развития индивида связаны друг с другом энергетически. Каждый раз, когда мы сталкиваемся с некой «навязчивой идеей», или нездоровым убеждением, или какой-то крайней установкой, мы знаем, что здесь слишком много либидо, и что излишек, стало быть, взят в другом месте, где, следовательно, либидо стало слишком мало. В этом смысле психоанализ – это метод, который помогает нам обнаружить те места или функции, где либидо слишком мало, и восстановить баланс. Таким образом, симптомы невроза следует рассматривать как преувеличенные функции, перегруженные либидо²⁹. Энергия, используемая для этой цели, была взята откуда-то еще, а потому задача психоаналитика – найти место, откуда она была изъята или куда никогда не поступала.

В случае тех синдромов, которые характеризуются главным образом недостатком либидо, например апатических состояний, вопрос следует сформулировать наоборот. Здесь мы должны спросить себя, куда делось либидо? Пациент производит впечатление, что у него нет либидо, и многие врачи верят ему на слово. Такие врачи мыслят примитивно, как дикари, которые, увидев солнечное затмение, полагают, будто солнце проглотило некое чудовище. Но оно только скрыто. То же самое происходит и с этими пациентами. Либидо есть, но оно не видно и не доступно самому больному. На поверхности мы имеем дело с недостатком либидо. Цель психоанализа состоит в том, чтобы найти то скрытое место, где обитает либидо и куда сам пациент не может добраться. Скрытое место – это «бессознательное», которое мы также можем назвать «несознательным», не придавая ему, разумеется, никакого мистического значения.

Психоанализ подсказывает нам, что существуют несознательные психологические системы, которые, по аналогии с сознательными фантазиями, могут быть описаны как бессознательные фантазии. В состоянии невротической апатии эти бессознательные фантазии выступают объектами либидо. Когда мы говорим о бессознательных фантазиях, мы выражаемся фигурально. Этим мы хотим сказать лишь то, что принимаем в качестве необходимого постулата концепцию внесознательных психических структур. Опыт учит нас, можно сказать, ежедневно, что существуют несознательные психические процессы, которые ощутимо влияют на экономию либидо. Те известные каждому психиатру случаи, когда сложная система бреда вспыхивает сравнительно внезапно, доказывают, что почва для них уже была подготовлена в бессознательном: едва ли можно полагать, будто такие вещи возникают так же неожиданно, как проникают в сознание.

Я позволил себе сделать это отступление относительно бессознательного, чтобы указать, что в отношении изменяющейся локализации либидозных инвестиций мы должны считаться не только с сознанием, но и с другим фактором, бессознательным, в котором иногда исчезает либидо. Теперь мы можем вернуться к обсуждению последствий, вытекающих из принятия теории либидо.

Фрейд учил нас, и мы видим это в повседневной практике психоанализа, что в раннем детстве вместо более поздней нормальной сексуальности наблюдаются зачатки некоторых тенденций, которые в старшем возрасте называются перверсиями. Мы были вынуждены признать правомерность применения к этим тенденциям сексуальной терминологии. Благодаря понятию либидо мы видим, что у взрослых те элементарные компоненты, которые казались источником нормальной сексуальности, теряют свое значение и сводятся к простым потенциальным возможностям. Их действующим принципом, их жизненной силой, так сказать, является либидо. Без либидо эти компоненты практически ничего не значат. Фрейд, как мы убедились, придает либидо бесспорно сексуальную коннотацию, что-то вроде «сексуальной потребности». Обычно считается, что либидо в этом смысле возникает только в период полового созревания. Как же тогда объяснить тот факт, что дети обладают полиморфно-перверсивной сексуальностью и что либидо активирует даже не одну, а несколько перверсий? Если либидо, в понима-

²⁹ С аналогичной точкой зрения мы встречаемся у Жанае.

нии Фрейда, возникает только с наступлением половой зрелости, то его нельзя считать ответственным за более ранние инфантильные перверсии – если только мы не рассматриваем их как «психические способности» в соответствии с теорией компонентов. В таком случае, даже если оставить в стороне безнадежную теоретическую путаницу, к которой бы это привело, мы бы согрешили против методологической аксиомы, которая гласит: «Не следует множить объяснительные принципы без необходимости».

Следовательно, у нас нет другого выхода, кроме как предположить, что до и после наступления половой зрелости либидо одно и то же. Это значит, что инфантильные перверсии возникают точно так же, как и перверсии взрослых. Подобное утверждение противоречит здравому смыслу, поскольку очевидно, что сексуальные потребности детей не могут быть такими же, как у сексуально зрелых людей. Мы могли бы, однако, пойти на компромисс в этом вопросе и сказать вместе с Фрейдом, что хотя либидо до и после наступления половой зрелости одно и то же, оно отличается по своей интенсивности. Вместо интенсивной сексуальной потребности после наступления половой зрелости, в детстве имеется лишь слабая сексуальная потребность, которая постепенно затухает, пока, примерно на первом году жизни, не превращается в едва заметный след. С биологической точки зрения мы могли бы с этим согласиться. Но в таком случае мы также должны признать, что все, что входит в сферу более широкого понятия сексуальности, обсуждавшегося в предыдущей лекции, уже присутствует в миниатюре, включая все эмоциональные манифестации психосексуальности, такие как потребность в привязанности, ревность и многие другие аффективные явления, и отнюдь не в последнюю очередь невроты детства. Разумеется, эти аффективные явления у детей вовсе не производят впечатления представленных «в миниатюре»; напротив, они могут соперничать по интенсивности с таковыми у взрослых. Как показывает опыт, извращенные манифестации сексуальности в детском возрасте часто бывают более явными и даже, по-видимому, более развитыми. У взрослого, демонстрирующего подобное состояние богато развитой перверсии, мы вправе ожидать полного исчезновения нормальной сексуальности и многих других важных форм биологической адаптации, как это обычно бывает у детей. Взрослый справедливо считается извращенным, когда его либидо не используется для нормальных функций; то же самое можно с полным основанием сказать о ребенке: он полиморфно-извращен, ибо он вовсе не знает нормальной сексуальной функции.

Эти соображения наводят на мысль, что, возможно, количество либидо всегда одинаково и что при наступлении половой зрелости не происходит никакого значительного его увеличения. Эта несколько дерзкая гипотеза опирается, что очевидно, на закон сохранения энергии, согласно которому количество энергии всегда остается постоянным. Можно предположить, что пик зрелости достигается только тогда, когда инфантильные, вспомогательные приложения либидо постепенно разряжаются в единый оформившийся канал сексуальности и затухают в нем. На данный момент мы должны ограничиться этими предположениями и обратить внимание на еще один важный момент, касающийся природы детского либидо.

Многие из наших критиков не признают, что детское либидо просто менее интенсивно, но по существу имеет ту же природу, что и либидо взрослых. В отличие от взрослых, либидозные импульсы у детей не связаны с генитальной функцией или связаны с ней только в исключительных случаях, что приводит к различиям, важность которых не следует недооценивать. Полагаю, это замечание вполне оправданно. В самом деле, между незрелыми и полностью развитыми функциями существует значительная разница, как между игрой и серьезным делом или между стрельбой холостыми и боевыми патронами. Это позволяет придать инфантильному либидо тот бесспорно безобидный характер, которого требует здравый смысл. Но нельзя отрицать и того, что стрельба холостыми – это все-таки стрельба. Мы должны привыкнуть к мысли, что сексуальность существует уже в раннем детстве, еще до наступления половой зрелости, и что у нас нет никаких оснований не считать проявления этой незрелой сексуальности сексуальными.

Сказанное выше, естественно, не лишает убедительности возражения, которое, признавая существование инфантильной сексуальности в описанной нами форме, тем не менее, оспаривает право Фрейда называть «сексуальными» такие ранние инфантильные явления, как сосание. Мы уже обсуждали причины, побудившие Фрейда к подобному расширению сексуальной терминологии. Мы упомянули также, что сам акт сосания можно толковать в том же ключе, что и питательную функцию, и что с биологической точки зрения этот вывод более обоснован, нежели взгляд Фрейда. Можно было бы возразить, что эти и подобные им применения оральной зоны вновь проявляются в более поздней жизни в несомненно сексуальном обличье. В сущности, это означает лишь то, что определенные виды деятельности позже могут использоваться в сексуальных целях, но ничего не говорит нам об их первоначальном сексуальном характере. Посему я должен признать, что не нахожу никаких оснований рассматривать виды деятельности, приносящие удовольствие в инфантильный период, сквозь призму сексуальности, скорее наоборот. Что касается сексуальности, то, насколько я способен судить об этих трудных вопросах, мне представляется необходимым разделить человеческую жизнь на три фазы.

Первая фаза охватывает первые годы жизни; я называю этот период *дополовой* стадией.³⁰ Она соответствует гусеничной стадии бабочек и характеризуется почти исключительно функциями питания и роста.

Вторая фаза охватывает поздние годы детства вплоть до наступления половой зрелости и может быть названа *препубертатной*. В этот период происходит зарождение сексуальности.

Третья фаза – это взрослый возраст; он начинается с наступления половой зрелости и может быть назван периодом *зрелости*.

От вас едва ли ускользнет, что наибольшая трудность заключается в том, чтобы установить границы дополовой стадии. Я готов признаться в большой своей неуверенности в отношении этой проблемы. Когда я оглядываюсь на свой собственный психоаналитический опыт с детьми – к сожалению, пока еще недостаточно обширный – и в то же время вспоминаю наблюдения Фрейда, мне представляется, что границы этой фазы лежат между третьим и пятым годами. Разумеется, они подвержены индивидуальным вариациям. Этот возраст критичен во многих отношениях. Ребенок уже перерос беспомощность младенца и достаточно развил ряд важных психологических функций. Отныне глубокую тьму ранней инфантильной амнезии, или прерывистости сознания, начинает освещать спорадическая непрерывность памяти. Складывается впечатление, что на этой стадии совершается важный шаг к эмансипации и центрированию новой личности. Насколько нам известно, к этому же периоду относятся первые признаки интересов и действий, которые справедливо можно назвать сексуальными. Впрочем, эти начальные проявления все еще обладают инфантильными характеристиками безобидности и наивности.

Полагаю, я достаточно подробно объяснил, почему сексуальная терминология не может быть применена к дополовой стадии. На основании сделанных нами выводов мы можем теперь обратиться к другим вопросам. Как вы помните, мы оставили проблему снижения либидо в детстве, ибо на тот момент не смогли прийти к какому-либо ясному заключению. Сейчас мы вернемся к этому вопросу и посмотрим, вписывается ли энергетическая концепция в наши нынешние формулировки.

Как мы видели, различие между инфантильной и зрелой сексуальностью объясняется, согласно Фрейду, ее низкой интенсивностью в детстве. С другой стороны, мы только что привели причины, по которым нам кажется сомнительным, что жизненные процессы у детей, за исключением сексуальности, протекают с меньшей интенсивностью, чем таковые у взрослых. Мы могли бы сказать, что в детстве все аффективные явления и нервные симптомы, если тако-

³⁰ Ср.: «Символы трансформации», абз. 206.

вые имеются, столь же интенсивны, что и в зрелом возрасте. Однако с энергетической точки зрения все они суть манифестации либидо. Таким образом, маловероятно, что разница между зрелой и незрелой сексуальностью заключается именно в интенсивности либидо. Скорее она обусловлена изменением в локализации либидо (если такое выражение допустимо). В противоположность своему медицинскому определению, либидо ребенка гораздо больше занято вспомогательными функциями психической и физической природы, нежели локальными сексуальными функциями. В связи с этим возникает соблазн изъять слово «sexualis» из термина «либидо» и вычеркнуть сексуальное определение либидо, данное Фрейдом в его «Трех очерках по теории сексуальности». Необходимость этого особенно очевидна, если мы спросим себя, обусловлены ли печали и радости, которые столь интенсивно переживает ребенок в первые годы жизни, то есть на *дополовой стадии*, исключительно его сексуальным либидо.

Фрейд высказался в пользу этого предположения. Думаю, нет нужды повторять здесь причины, побудившие меня постулировать дополовую стадию. Стадия гусеницы обладает алиментарным либидо, но не сексуальным либидо; мы должны сформулировать это так, если хотим сохранить энергетический взгляд, который предполагает теория либидо. Полагаю, нам не остается ничего другого, как отказаться от сексуального определения либидо, иначе мы потеряем самое ценное, а именно возможность рассматривать его с энергетической точки зрения. В психоаналитической школе уже давно назрела необходимость дать понятию либидо больше свободного пространства и вывести его из узких рамок сексуального определения. Ее представители неустанно подчеркивали, что сексуальность следует понимать не буквально, а в более широком смысле; однако *как* именно, оставалось неясным, а потому не могло удовлетворить серьезных критиков.

Едва ли я заблуждаюсь, когда вижу истинную ценность понятия либидо не в его сексуальном определении, а в его энергетическом понимании, благодаря которому мы получили в свое распоряжение чрезвычайно ценный эвристический принцип. Мы также обязаны энергетическому взгляду динамическими образами и корреляциями, которые в хаосе психического мира представляют для нас безграничную ценность. Со стороны фрейдистов было бы неправильно не прислушаться к тем критикам, которые обвиняют нашу теорию либидо в мистицизме и непостижимости. Мы обманывали себя, когда полагали, будто можем сделать *libido sexualis* носителем энергетической концепции психической жизни. Многие представители школы Фрейда по-прежнему думают, будто обладают вполне определенной и, так сказать, конкретной концепцией либидо; они не знают, что это понятие выходит далеко за пределы любого сексуального определения. Как следствие, критики имеют полное право упрекнуть теорию либидо в том, что она стремится объяснить вещи, которые, по сути, не относятся к ее сфере. В результате создается впечатление, что мы в самом деле оперируем некой мистической сущностью.

В своей книге «Метаморфозы и символы либидо» я попытался представить доказательства этих трансгрессий и в то же время обосновать необходимость новой концепции либидо, учитывающей только энергетический взгляд. Сам Фрейд был вынужден признать узость своей первоначальной концепции либидо, когда попытался применить энергетическую точку зрения к знаменитому случаю *dementia praecox*³¹ – так называемому случаю Шребера.³² Этот случай связан, помимо прочего, с известной проблемой в психологии *dementia praecox* – утратой спо-

³¹ Позднее переработана и опубликована как «Символы трансформации». Позднее вместо этого термина стали говорить о шизофрении.

³² [«Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementia paranoides)».] – *Примеч. ред. оригинального издания.* Речь идет о немецком судье Д. Шребере, страдавшем параноидной шизофренией. Рус. пер. указанной работы: Фрейд З. Психоаналитические заметки об одном случае паранойи (dementia paranoides), описанном в автобиографии // Собрание сочинений: в 26 т. Том 3. СПб.: Изд-во ВЕУ психоанализа, 2006. С. 71–146. – *Примеч. ред.*

способности адаптироваться к реальности, своеобразным феноменом, состоящим в особой тенденции больного создавать свой собственный внутренний фантазийный мир.

Один из аспектов этого феномена – отсутствие эмоционального раппорта – вам прекрасно знаком, ибо он представляет собой ярко выраженное нарушение функции реальности. Проведя большую психоаналитическую работу с такими пациентами, мы установили: недостаток адаптации к реальности компенсируется прогрессирующим продуцированием фантазий, вплоть до того, что мир грез становится для пациента более реальным, чем внешняя действительность. Шребер нашел восхитительное образное описание данного явления в своей бредовой идее о «конце света», очень точно изображающее утрату реальности. Динамическое объяснение просто: мы говорим, что либидо все больше и больше оттесняется из внешнего мира во внутренний мир фантазии, и там создает, в качестве замены утраченного мира, так называемый эквивалент реальности. Этот суррогат строится, так сказать, по кирпичикам; особенно интересно наблюдать, из какого психологического материала создается внутренний мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.